

Неожиданный взрыв Цзян Жана ошеломил гостей за столом и окончательно лишил дара речи его отца, старика Цзяна, и господина Юаня.

Старик Цзян позеленел от злости. Он дрожал всем телом, а губы его тряслись так, что он не мог вымолвить ни слова. Куда быстрее опомнился господин Юань. Прикрыв рот ладонью, он округлил от притворного изумления глаза и истошно закричал, разыгрывая оскорбленную невинность:

— Да что за чушь ты несешь!

— Знаю, ты затаил злобу за те пощечины, что отец отвесил тебе у порога, но нельзя же из-за старых обид так нагло врать! Наш Руху на днях извелся весь, спать не мог, плакал — так соскучился по брату. Он ведь совсем еще дитя, с чего бы ему придумывать!

Побои, нанесенные Сяо шуаньэру на глазах у людей, в любом случае выглядели неприглядно. Господин Юань это понимал, а потому расчетливо сместил акценты, выставив гневную исповедь Цзян Жана обычной мстительностью.

— Не зря говорят: обида между отцом и сыном до утра не живет. Твой отец в прошлый раз просто погорячился, с кем не бывает? Тебе бы, как сыну, проявить почтительность да понимание, а не брызгать ядом и клеветать на родную кровь, марая собственное имя!

Цзян Жан даже растерялся от подобного бесстыдства. Он ведь не солгал ни единым словом, так почему этот человек умудрился выставить себя невинной жертвой?

Обстановка накалялась. Сидевшие во главе стола старший и второй дяди Цзян не выдержали постыдного зрелища. Оба ханьцзы разом поднялись и подошли к дверям.

Старший дядя Цзян недовольно зыркнул на господина Юаня, затем шумно вздохнул и, напустив на себя авторитетный вид старейшины рода, обратился к юноше:

— Цзян Жан, твой отец и впрямь поступил опрометчиво. Дядя понимает, как тебе горько.

— Но как ни крути, мы все — одна кровь. Сделай милость, уступи ради своего дяди, замять это дело нужно. К чему чужих людей нашими раздорами тешить?

Цзян Жан всегда жил в доме на правах невидимки и со старшим дядей почти никогда не заговаривал.

Как-то раз он случайно услышал от отца, что старший дядя — человек крутого и опасного нрава. В молодости тот из-за половины му земли ввязался в кровавую драку с соседями, дошедшую до суда, и с тех пор наводил страх на всю округу.

Сяо шуаньэр панически боялся грозного родственника. Он робко сжался, не смея вымолвить ни слова в ответ.

Фан Чжуншань мгновенно уловил перемену в настроении супруга. Он собственнически и нежно привлек к себе хрупкого юношу за плечи, подбадривающе погладил и смерил старшего дядю Цзяна презрительным взглядом.

— И много ли стоит твое хваленое лицо? — процедил он с явной издевкой. — Решил парой пустых слов перечеркнуть все страдания, что мой супруг терпел от вас годами? Раскатал губу!

Когда они сблизились, Фан Чжуншань ради экономии дров и горячей воды часто делил с юношей одну деревянную лохань. Разумеется, он успел изучить и пересчитать все жуткие отметины на хрупком теле своего Сяо шуаньэра.

Он ехал в этот дом, едва сдерживая ярость, а слащавые причитания господина Юаня и поучения старшего дяди о «семейном мире» окончательно переполнили чашу его терпения. Фан Чжуншань зло захохотал:

— Надо же, «раздоров они испугались»!

— Имела бы ваша семейка хоть каплю совести, вы бы не истязали ребенка с малых лет! Я лично осматривал его тело: живого места нет от рубцов после плетей и старых ожогов!

Среди гостей поднялся возмущенный ропот. В деревнях к Сяо шуаньэрам относились пренебрежительно, но даже самые суровые крестьяне свято чтит узы крови. Ожоги и шрамы от побоев — от одного упоминания этого по коже бежали мурашки.

Ни у кого из присутствующих не возникло сомнений в словах Фан Чжуншаня: зачем мужу клеветать на собственную родню без причины?

— Да уж, Фан Чжуншаню нет резона выдумывать такое при свидетелях. Наверняка чистая правда. Ну и скотина этот старик Цзян!

— С тех пор как у них появился новый отец, мальчишке совсем житья не стало. Бедный Цзян Жан, натерпелся же горя...

Веко старшего дяди Цзяна нервно дернулось. Он со злостью обернулся к брату и господину Юаню, и по их трусливо опущенным, виноватым лицам сразу понял: парень не врет ни единым словом.

Решив ковать железо, пока горячо, Фан Чжуншань многозначительно взглянул на стоявшую неподалеку матушку Чжан.

Он тщательно спланировал этот визит. Не только вытесал каменные ножи в качестве «подарков», но и заранее обзавелся козырем в рукаве.

Алчная сваха идеально подходила на роль союзника. Договориться с ней оказалось проще простого: Фан Чжуншань предложил ей плату втрое больше той, что посулил господин Юань, и женщина без колебаний переметнулась на его сторону.

Сваха мгновенно сообразила, что пришел её выход. Напустив на себя вид человека, у которого «лопнуло терпение от несправедливости», она картинно всплеснула руками и обратилась к застывшему господину Юаню:

— Ну знаете, господин Юань, совесть-то иметь надо! Хотя когда-нибудь нужно уметь вовремя остановиться.

— Цзян Жан — золотой ребенок! Когда вы сбыли его чужим людям ради избавления от невзгод за целых три лян серебра, а все деньги до последнего гроша пустили на баловство своего Руху, он хоть слово упрека вам высказал? Да ни единого!

— В день свадьбы я вела обряд от начала до конца и всё видела своими глазами! Ваша семейка вчетвером преспокойно покатила на повозке, пожалев жалкие медяки, чтобы посадить мальчишку рядом. Несчастный ребенок бежал за нами из последних сил. У меня, старой грешницы, и то сердце кровью обливалось!

— Я ведь тебе еще тогда говорила: продали парня за три лян — так забудьте к нему дорогу, оставьте в покое! Но нет, вам всё мало! Разинули рот на добро Фан Чжуншаня, которое тот при разделе имущества получил, и превратили первый визит зятя в позорный балаган!

Матушка Чжан была известной свахой во всей округе, и все прекрасно знали, что именно она устраивала этот брак. Её словам верили безоговорочно.

Господин Юань никак не ожидал, что прикормленная им женщина в решающий момент вонзит ему нож в спину и займет сторону этих неблагодарных щенков. Он затрясся от бессильной ярости и, тыча в лицо свахе дрожащим пальцем, взвизгнул:

— Ты... Да как ты смеешь! Чем я тебя обидел, что ты спелась с Фан Чжуншанем и поливаешь меня этой грязью?!

Матушка Чжан и бровью не повела. С абсолютно невозмутимым видом она швырнула к ногам господина Юаня пять медных монет:

— Нечего на меня наговаривать! Вот твои пять медяков, которые ты мне совал, лишь бы я уговорила Цзян Жана притащить из дома мужа побольше добра! Забирай обратно!

— Я, матушка Чжан, до денег жадная, спорить не стану. Но марать руки о плату, замешанную на подлости, не стану!

Её последняя фраза прозвучала так твердо и благородно, что среди толпы зевак раздались одобрителные выкрики:

— Золотые слова! Нечего грязные медяки в карман прятать!

Все в округе знали, что сваха за медный грош удавится. Раз уж она побрезговала деньгами господина Юаня, то дело и впрямь пахло откровенным свинством. Насколько же жестоко Господин Юань обходился с бедным пареньком!

Продать собственного Сяо шуаньэра за три лян под предлогом избавления от чужих невзгод и без того считалось делом постыдным. А теперь выяснилось, что несчастный не получил ни медного гроша — всё ушло на содержание избалованного Цзян Руху!

Да еще и иметь наглость зариться на имущество зятя... Подобное корыстолюбие выходило за любые рамки человеческого приличия.

Господин Юань запаниковал. Он отчаянно замахал руками, пытаясь как-то оправдаться, но разоблачения свахи угодили точно в цель.

Побледнев как полотно, он мертвой хваткой вцепился в рукав старика Цзяна:

— Что... что теперь делать?! Ты же его отец, скажи хоть что-нибудь!

Старик Цзян и сам понимал, что опозорился перед всей деревней. Он впервые оборвал господина Юаня, со злостью зыркнув на него:

— И что я, по-твоему, должен сказать?

«Я же предупреждал, что это никуда не годная затея, но ты и слушать не хотел! Теперь оба в грязи вывалялись по уши!»

Лицо старшего дяди Цзяна потемнело. Он тоже чувствовал себя оплётанным.

Как ни крути, Цзян Жан вырос в их доме, а теперь прилюдно позорит родную семью — чистой воды неблагодарный щенок.

Сдерживая ярость, старший дядя заговорил холодным, угрожающим тоном:

— Довольно. Как-никак мы породнились и дальше должны жить в ладу. К чему устраивать этот позорный балаган?

— Цзян Жан, послушай старшего. Покажи мне хоть одного ханьцзы, который бы искренне ценил и оберегал Сяо шуаньэров! Ты сейчас на пару с Фан Чжуншанем буянишь, душу отводишь, но не сжигай мосты. Если завтра муж охладет к тебе и выставит за порог, куда побежишь плакаться? Только сюда, в родной дом!

Услышав это, Фан Чжуншань скривился от омерзения. Вечные угрозы в адрес беззащитных Сяо шуаньэров — заезженная пластинка, от которой его уже тошнило.

— Слышь, старый хрыч, — без малейшего почтения окликнул его Фан Чжуншань. — Твои речи смердят гнилью.

— Значит, ханьцзы из семьи Цзян ни во что не ставят своих Сяо шуаньэров?

Фан Чжуншань многозначительно покосился на господина Юаня и трусливо сжавшегося за его спиной малолетнего Цзян Руху.

— Впрочем, неудивительно. Теперь мне ужасно любопытно поглядеть, через сколько дней эту злобную и тупую тварь вышвырнут вон за ненадобностью.

— А этот малец... как его там, Цзян Руху? Советую тебе сразу готовиться к вечному одиночеству. И близко не подходи к порядочным девушкам и Сяо шуаньэрам, не смей портить им жизнь, ублюдоков мелкий.

В крестьянском мире продолжение рода считалось священным долгом любого ханьцзы. Пожелать парню остаться бобылем означало проклясть на бездетность и угасание фамилии.

Глаза старика Цзяна налились кровью. Задыхаясь от ярости, он рванулся к Фан Чжуншаню, занеся кулак для сокрушительного удара.

Но Фан Чжуншань был не из тех, кто безропотно сносит побои. Уверенным жестом задвинув плачущего Цзян Жана себе за спину, он с ледяным спокойствием перехватил занесенную руку и резко выкрутил её назад. Приемы самообороны, заученные в прошлой жизни, сработали безупречно.

Куда там старому, дряхлому крестьянину тягаться с полным сил молодым мужчиной! Старик Цзян с глухим стуком повалился на землю, схватившись за вывихнутое плечо и истошно завывая от боли. Но Фан Чжуншаню этого показалось мало. Он резко наклонился и вlepил тестю несколько тяжелых, звонких пощечин.

— Сладко жилось, пока избивал моего шуаньэра? Получай сдачу, тварь! Если еще раз хоть

пальцем тронешь Цзян Жана — я тебе обе руки переломаю, понял?!

Старший дядя Цзян в молодости и сам был заядлым забиякой, а потому по одному отточенному приему мгновенно понял, что перед ним опытный и опасный противник. Он незаметно попятился на два шага назад и, пытаясь скрыть дрожь в голосе, грозно выкрикнул:

— Да что ты себе позволяешь?!

Фан Чжуншань только этого и ждал. Уверенной походкой он подошел к почетному столу во главе зала, неся в руках тяжелый узел. Резким движением сорвал грубую мешковину, обнажив массивный, грубо вытесанный, но устрашающе острый каменный нож.

Не раздумывая ни секунды, он с размаху опустил тяжелое лезвие на деревянную столешницу, расколов её надвое. Тарелки с грохотом полетели на пол, горячий бульон брызнул во все стороны, а осколки посуды с сухим треском разлетелись по полу. Гости в ужасе повскакивали со своих мест, с визгом пятась к выходу.

— Что я позволяю?

Фан Чжуншань холодно усмехнулся:

— Об этом вам стоило спросить себя раньше! Захапали три лян серебра, да всё мало — без конца лезете к нам с Цзян Жаном. Даже у самого кроткого человека терпение не безгранично!

— Я пришел на этот праздник с оружием лишь ради одного: раз и навсегда отсечь всю вашу гнилую родню. Если еще раз увижу кого-то из вас рядом со своим супругом, пеняйте на себя: мой каменный нож промахнуться не побоится!

<http://bllate.org/book/19394/1960764>